Четыре концепции коллективизации В.П. Данилова

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, независимый исследователь

Статья посвящена анализу взглядов известного российского историка-аграрника В.П. Данилова на проблему коллективизации. Автор выделяет четыре этапа в изучении исследователем этой темы. Становление Данилова как историка советской деревни происходило в условиях хрущевской оттепели. Ученый включился в начавшийся тогда процесс переосмысления советского исторического опыта и принял активное участие в критике концептов сталинской историографии. Его внимание было сконцентрировано на поиске макроструктур, обусловивших генезис социалистических производственных отношений в советском сельском хозяйстве. Попытка историков-шестидесятников предложить новую концепцию коллективизации не имела успеха в силу произошедших в середине 1960-х годов изменений в политической жизни страны. Во второй половине 1960-х — 1980-х годах основным предметом полемики со стороны Данилова стала новая официальная концепция коллективизации С.П. Трапезникова. На этом этапе научного творчества ученый акцентировал внимание на преобладании в жизни советской доколхозной деревни патриархальных отношений. Перестройка принесла новые надежды историкам даниловского поколения. Вместе с тем Данилов не разделял мнений радикальных критиков колхозной системы и в итоге им была предложена концепция альтернатив сталинской «революции сверху» как упущенных возможностей строительства подлинного социализма. Последний этап в научной работе Данилова был связан с подготовкой к печати фундаментальных документальных серий по истории советской деревни. В связи с этим взгляды историка эволюционировали в направлении идей тоталитарной историографии. Автор отмечает выдающуюся роль Данилова в разработке двух из трех научно-исследовательских программ изучения аграрной истории советского периода, что сделало его главной мемориальной фигурой в истории этого научного направления.

Ключевые слова: аграрная история, историческая наука, советская деревня, коллективизация, В.П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-6-42

Однажды, еще в мою бытность аспирантом Санкт-Петербургского института истории РАН, С.В. Яров применил в качестве характеристики В.П. Данилова выражение «трагическая фигура нашей историографии». Вероятно, Сергей Викторович подразумевал то обстоятельство, что в советский период Данилов подвергался давлению со стороны власти и не мог в полной мере реализовать свою академическую карьеру. Но помню, что тогда меня очень уди-

вила эта оценка. Статус нонконформиста и борца за историческую истину сделали Данилова неформальным лидером в среде советских историков-аграрников, в 1990-е годы ученый и вовсе утвердился в образе «светила науки» и общепризнанного мэтра крестьянской историографии. Его оценки и выводы стали концептуальной основой сформировавшейся тогда же парадигмы аграрной истории советского периода, а ссылки на его работы ныне воспроизводятся современными исследователями к месту и не к месту. Мемориализация образа ученого заметна и в первых специальных обращениях к анализу его научного наследия.

Впрочем, Данилову и здесь повезло, ему достались весьма квалифицированные биографы. Так, после смерти Данилова в журнале «Вопросы истории» появилась большая статья М.А. Вылцана, В.А. Емца и И.Н. Слепнева, рассматривающая основные вехи творческого пути ушедшего историка (Вылцан, Емец, Слепнев, 2005). Позже расширенный вариант этого очерка был включен в опубликованное издательством РОССПЭН двухтомное собрание избранных работ ученого (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011). Разумеется, мемориальный характер этих обращений к его биографии предопределил восторженно-панегирический рассказ в них о деятельности историка. Тем не менее обе статьи уникальны тем, что написаны людьми, хорошо знавшими самого Данилова, и содержат факты, почерпнутые из общения с членами его семьи и кругом ближайших соратников и единомышленников. Данилов в этих работах предстает в качестве яркого представителя поколения шестидесятников, диссидента советской науки, непримиримого борца со сталинской концепцией истории, с цензурными ограничениями и бюрократическими препонами, препятствовавшими познанию исторической правды. Все эти характеристики, конечно, вполне применимы к образу историка. Но если рассматривать его фигуру в таком контексте, то Данилов ученый-исследователь оказывается в тени Данилова — общественного деятеля. Если внимательно присмотреться к работам самого историка, то можно заметить, что на разных этапах его научного творчества объектами полемики с его стороны выступали не только постулаты сталинской историографии, но и другие теоретические конструкты. С течением времени менялись те силы, с которыми вел непримиримую борьбу Данилов. Менялись, соответственно, и оценки историком тех или иных реалий. Таким образом, представленный в отмеченных выше работах взгляд на научное творчество Данилова несколько упрощает наше восприятие фигуры последнего.

Немногим позже свое понимание научного творчества В.П. Данилова представил известный российский историк-аграрник В.В. Кондрашин (Кондрашин, 2013; Кондрашин, 2014). Его работы также не лишены апологетического отношения к своему герою. Более важным, однако, представляется другое. В них на основе анализа многочисленных научных трудов Данилова Кондрашин

попытался реконструировать его синтетическую концепцию аграрной истории России второй половины XIX–XX века. Похожие интенции заметны и в статье А.М. Никулина, который обратил свое внимание на теорию исторических альтернатив — важнейший конституирующий элемент даниловского мировоззрения на поздних этапах его творческого пути (Никулин, 2014). Излагая различные альтернативные сценарии аграрных реформ, к рассмотрению которых в той или иной степени обращался историк, автор попытался увидеть некие сущностные черты политической социологии Данилова. В отличие от предшествующих работ, Никулин отмечал уже не только сильные, но и слабые места теоретических конструкций, созданных ученым. Впрочем, это не единственное концептуальное отличие этих работ Кондрашина и Никулина. Исследователи придали несколько отличные векторы своим реконструкциям даниловского мировоззрения. Так, у Кондрашина идеей, связующей многочисленные труды Данилова, выступает концепция крестьянской революции, под которой в обобщенном плане понимается некий естественный процесс интеграции крестьянства в индустриально-рыночную модернизацию России. Политические верхи вольны избирать по отношении к последней различные стратегии: от запоздалой поддержки при П.А. Столыпине до откровенного противодействия при И.В. Сталине, однако главным субъектом исторического процесса в историософии Данилова по Кондрашину оставалось само крестьянство. Избранный Никулиным фокус альтернатив уже сам по себе предполагает понимание исторических изменений как программируемого человеком движения. Он тоже пишет о крестьянской революции, но она рассматривается им лишь как один из факторов, обусловивших успех или неудачу тех или иных реформ. «Революция снизу» проигрывает в этом анализе детерминант исторических изменений «революции сверху», а потому автор статьи фиксирует внимание читателей на поиске Даниловым тех политических сил, которые смогли бы осуществить позитивную программу аграрных реформ. Иными словами, историческая концепция Данилова у Кондрашина объектна, так как социальные процессы в ней выступают самодетерминантами развития, в анализе же Никулина она, напротив, субъектна, так как предлагает выявление тех сил, которые являлись носителями программ социальных изменений.

Уже представленный здесь обзор работ о Данилове свидетельствует о том, насколько яркой и многогранной была личность ученого. В полной мере охарактеризовать фигуру историка в одном, ограниченном по объему очерке вряд ли возможно, поэтому мы сосредоточимся лишь на одном (хотя и важнейшем на протяжении всего творческого пути) аспекте — эволюции взглядов на коллективизацию. По нашему мнению, в осмыслении ученым этой темы отчетливо выделяются четыре, отличные по своим интенциям, теоретическим основам исследований, направленности полемики и,

разумеется, оценкам исторических реалий, самостоятельных этапа его научной работы. В частности, это: 1) середина 1950-х — вторая половина 1960-х годов — период борьбы за новую историческую концепцию коллективизации; 2) вторая половина 1960-х — конец 1980-х годов — период борьбы с новой официальной концепцией коллективизации; 3) конец 1980-х — начало 1990-х годов — период историографической революции; 4) начало 1990-х — 2004 год — период работы над фундаментальными документальными сериями. Таким образом, речь в нашей статье пойдет о Данилове — ученом историке. Этот ракурс важен еще и потому, что общественно-политические взгляды и организаторская деятельность Данилова неплохо изложены в современной научной литературе (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011; Кондрашин, 2014; Кондрашин, 2018).

Выявление макроструктур генезиса социализма

В 1950 году, когда выпускник Оренбургского государственного педагогического института В.П. Данилов приехал поступать в аспирантуру Института истории АН СССР, он вынужден был поменять тематику своих исследований с дореволюционной истории на советскую. Как оказалось, этот выбор определил его дальнейшую творческую судьбу. Уже первая кандидатская диссертация Данилова принесла ему общесоюзную известность. Еще бы, автор осмелился утверждать, что коллективизация — как тогда считалось, одна из важнейших вех на пути к социализму, была проведена без достаточной материально-технической базы, что тем самым бросало тень на методы ее осуществления. Однако вряд ли сам диссертант ожидал подобного результата. Скорее, напротив, он со студенческой прямолинейностью попытался применить знания, полученные во время своего обучения в институте и аспирантуре, а теоретической основой работы стали законы марксистской политэкономии. Как известно, сам Сталин в «Кратком курсе» не настаивал на необходимости технического перевооружения в качестве необходимого условия коллективизации. Там говорилось скорее о пропагандистском воздействии новой техники на крестьянство (История, 1938: 284). Мысль о наличии «индустриальной базы» упоминалась в краткой биографии Сталина, но и там речь шла не о реальном насыщении новой техникой колхозов и совхозов накануне коллективизации, а о возможности ее производства в необходимых объемах советской промышленностью (Иосиф Виссарионович Сталин, 1947: 116). Однако в начале 1950-х годов «вождь» принял участие в обсуждении учебника политэкономии социализма, в результате чего увидела свет его брошюра «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней Сталин писал об открытом марксизмом законе обязательного соответствия производительных отношений характеру производительных сил (Сталин И.В., 1952). Нет никаких сомнений,

что тогда эта книга в обязательном порядке прорабатывалась всеми советскими научными кадрами. По сути дела, именно от этого положения и оттолкнулся в своем исследовании Данилов. Вряд ли изначальная задача заключалась для него в том, чтобы подтвердить или опровергнуть сталинские утверждения. Скорее объективный марксистский закон просто представлялся молодому аспиранту самым логичным объяснением перехода к «социалистическому преобразованию». Однако проанализировав данные статистики, он пришел к выводу, что количество новой техники в советском сельском хозяйстве накануне коллективизации было ничтожно мало. Из этого следовало, что «переустройство социально-экономических отношений в деревне было завершено намного раньше, чем техническая реконструкция» (Данилов, 1955). Получалось, что Сталин действовал вопреки объективным марксистским законам, знание которых сам же превозносил. На самом деле и диссертация и вышедшая вслед за ней книга Данилова «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР» (Данилов, 1957) в той или иной форме фактически повторяли многие положения концепции «Краткого курса». В частности, это были тезисы об отсталости доколхозной деревни и исчерпании экономических возможностей крестьянского мелкотоварного хозяйства, усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и революционном характере произошедших в сельском хозяйстве преобразований. Само изложение исторического материала и в диссертации в некоторой степени оставалось субъектным, что нашло отражение в названиях обеих работ. Вместе с тем помимо обнаруженного противоречия в сталинских умозаключениях, бесспорно, обращала на себя внимание читателей самостоятельность мышления молодого исследователя. Данилов не стал прибегать к характерному для науки сталинского времени приему комментирования официальных текстов. Он, отталкиваясь от эмпирики, строил свою собственную теорию. Эта, казалась бы, естественная для любого исследователя практика в то время ученым, воспитанным в духе официальной догматики, виделась методической новинкой. Хотя повествование конструировалось автором главным образом посредством описания деятельности советского государства, Данилов тем не менее признавал наличие объективных факторов. Диалектика производительных сил и производственных отношений, несмотря на наличие некоторых специфических особенностей, проявившихся в ходе коллективизации в СССР, реально рассматривалась им в качестве источника исторического развития.

В 1957 году Данилов был назначен руководителем только что организованной при Институте истории группы по изучению советского крестьянства. Задачей этого научного коллектива стала подготовка обобщающего издания по истории коллективизации, в котором самому Данилову должно было принадлежать несколько глав, посвященных истории советской деревни 1920-х годов. Исходя

из этих задач, историк, по сути, дела продолжил уже начатое им исследование социально-экономических процессов в доколхозной деревне. Теперь, однако, он переместил основной акцент исследования с изучения производительных сил на анализ производственных отношений. Некоторые итоги работы в этом направлении были представлены Даниловым в 1961 году на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства СССР (Данилов, 1961). В своем докладе ученый опять же критиковал представление сталинской историографии о том, что до коллективизации в советской деревне господствовали капиталистические отношения. В подтверждение этого Данилов обосновывал тезис о глубоком отличии капиталистического и мелкотоварного хозяйства. И то и другое, согласно ученому, были основаны на частной собственности и включены в систему рыночных отношений, но если капиталистическое производство было изначально нацелено на получение прибыли, то для мелкотоварного крестьянского хозяйства главной целью его деятельности являлось «удовлетворение потребностей непосредственного производителя». Отличие капиталистического и мелкотоварного хозяйства заключалось также в том, что первое базировалось на найме рабочей силы, а второе функционировало главным образом за счет труда крестьянской семьи. Далее на основе статистических данных Данилов писал об изменении пропорций социальных групп на селе на протяжении 1920-х годов. Основной тенденцией в этой сфере стало осереднячивание деревни. Так, по подсчетам историка, из 100 крестьянских хозяйств 70,7% относились к середняцкой группе, а в их руках было сосредоточено 79% средств производства. Исходя из этих данных, Виктор Петрович делал вывод о том, что основной фигурой в земледелии вплоть до коллективизации оставался крестьянин-середняк, а производственные отношения в советской доколхозной деревне носили мелкобуржуазный характер (Данилов, 1961: 15, 20). Также Данилов указывал на широкое распространение форм производственных отношений, которые не могут считаться ни капиталистическими, ни социалистическими. К числу последних он относил различные виды сбытоснабженческой кооперации, систему государственного кредита, распространение контрактации, появления на селе прокатных пунктов и возникновение машинных, мелиоративных и посевных товариществ. Распространение этих форм экономического взаимодействия, по мнению исследователя, способствовало вытеснению буржуазных отношений из жизни доколхозной деревни. В результате к 1927 году в области обмена последние на ¾ были замещены отношениями, которые Данилов характеризовал как переходные к социалистическим (Данилов, 1961: 38). Развивались, согласно историку, и собственно социалистические типы хозяйствования (колхозы, совхозы, товарищества по совместной обработке земли), но они в анализе Данилова так же, как и капиталистические отношения, были представлены некой эксполярной

формой экономической жизни деревни. В целом картина социально-экономических отношений до коллективизации рисовалась Даниловым гораздо более дифференцированной, чем это представлялось в предшествующей историографии.

К 1963 году первый том «Истории коллективизации» был готов. Состоялось его обсуждение в Институте истории, и книга была отправлена в издательство «Мысль». Ожидалось, что она выйдет в свет в течение 1964 года. Однако произошедший в стране политический переворот резко изменил ситуацию. Люди из окружения Л.И. Брежнева, пришедшие на руководящие должности в науке, сочли книгу недостаточно идеологически выдержанной. После нескольких повторных обсуждений в Институте истории и Отделе науки ЦК КПСС и трех лет кампаний по «доработке» текста уже готовый набор первого тома был рассыпан в издательстве. В результате неизданная «История коллективизации» превратилась в один из символов движения шестидесятников, что в дальнейшем, безусловно, наложило на ее восприятие в научном сообществе определенный отпечаток (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011: 43).

Тем не менее книга действительно содержала ряд новых и острых для своего времени оценок. Эти инновационные положения очень ясно обозначил Данилов в своем вводном выступлении на повторном обсуждении первого тома «Истории коллективизации» в Институте истории АН СССР 29 июля 1965 года (Вступительное слово, 2011). Первое из них было связано с тем, что авторы монографии настаивали на недостаточной степени зрелости объективных предпосылок коллективизации. Причем важно подчеркнуть, что Данилов вовсе не отрицал наличие последних как таковых, а именно говорил о незавершенности к 1929 году процесса их формирования, в силу чего, по мнению авторов книги, осуществление «социалистического преобразования сельского хозяйства» имело «колоссальные трудности». В ходе обсуждения против этой трактовки предпосылок коллективизации высказались Ю.А. Поляков, В.М. Селунская и И.Б. Берхин. И если первый в расширительном ключе утверждал, что это положение бросает тень на всю историю коллективизации[1], то двое других ученых приводили вполне резонные аргументы. Дело в том, что в ходе самой коллективизации никто не представлял, какими должны быть эти самые необходимые для ее проведения предпосылки. Данилов в данном случае,

1. В частности, Ю.А. Поляков утверждал: «а значит (такой вывод напрашивается), что без объективных предпосылок коллективизацию проводить было нельзя. Значит, она проводилась неправильно и несвоевременно» (Стенограмма, 2011: 289). Вероятно, на позицию Полякова в ходе обсуждения «Истории коллективизации» серьезно повлиял их недавний идейный конфликт с Даниловым по вопросу о хронологических границах аграрной революции. См. об этом их острую полемику на страницах журнала «Вопросы истории» (Данилов, 1962а; Поляков, 1962; Данилов, 1962б; Поляков, 1963).

по их мнению, оперировал некими априорными, слабо верифицируемыми, представлениями (Стенограмма, 2011: 273–274, 292–293). Второе новое положение заключалось в том, что авторы книги пересматривали вопрос о социальной базе колхозного движения. Так, согласно утверждениям Данилова, вплоть до осени 1930 года основной фигурой последнего была сельская беднота и лишь после этого произошел «поворот основных середняцких масс на путь коллективизации». Таким образом, в книге оспаривались сталинская трактовка, высказанная вождем еще в его знаменитой статье «Год великого перелома». Третьим положением — было указание на обусловленные осуществлением коллективизации негативные экономические последствия (падение производства зерна, уничтожение скота, ухудшение агротехники). Следующий важный момент, который также зафиксировал в своем выступлении Данилов, был связан с тем, что авторы «Истории коллективизации» расширяли хронологические и социальные границы раскулачивания, справедливо указывая на то, что репрессии в отношении крестьян проводились и до 1930 года, а в числе раскулаченных оказались и середняки. Пятым пунктом этой концептуальной программы стала мысль о том, что «коллективизация — это революционное преобразование деревни, проводившееся по инициативе и под непосредственным руководством государственной власти». В этом вопросе Данилов полностью расходился с появившейся в то время трактовкой С.П. Трапезникова о том, что коллективизацию осуществили «сами крестьяне», однако при этом фактически смыкался с концепцией «Краткого курса». На это обстоятельство указал и сам Данилов, отмечая, что «этот вывод, сделанный еще в 30-х годах, подкрепляется всем фактическим материалом» (Вступительное слово, 2011: 254). Столь однозначная оценка явно расходилась с объектными посылками исследовательской программы изучения советской деревни второй половины 1950-х годов. В ходе обсуждения она вызвала своего рода возражения со стороны В.М. Селунской и Х.Н. Дриккер[2]. Наконец, шестое, наиболее острое положение

2. Любопытно, что обе они говорили о том, что изображение процесса коллективизации «как революционного творчества масс» является одним из достоинств книги. В частности, Селунская утверждала следующее: «Замечательны страницы, которые показывают, как в период между XV съездом и серединой 1929 года крестьянин добровольно остается в колхозе и это намного опережает те темпы, которые были предусмотрены XV партийным съездом по коллективизации. Напор снизу опережает все наметки планирующих органов. Крестьянин добровольно идет в колхоз, напор очень большой» (Стенограмма, 2011: 269). Дриккер уже более остро ставила этот вопрос. Также отмечая, что представленные в книге материалы изображают коллективизацию как движение «снизу», она указывала на то, что это обстоятельство несколько расходится с итоговыми формулировками (Стенограмма, 2011: 283–284). Опубликованные ныне несколько принадлежащих перу Данилова глав неизданной книги действительно

концепции авторов двухтомника, заключалось в ответе на вопрос об ответственности за насилие, допущенное в ходе осуществления коллективизации. В книге доказывалась мысль, что ошибки и перегибы были «отнюдь не неизбежны», а их главным виновником называлось руководство СССР и лично И.В. Сталин. Этот вопрос вызвал наиболее широкую полемику во время обсуждения работы. С критикой этого тезиса в той или иной степени жесткости выступили Б.А. Абрамов, В.М. Селунская, Д.А. Коваленко, Ф.М. Ваганов, Ю.А. Поляков. В противовес ими приводились различные аргументы: от идеологизированных упреков в том, что авторы следуют политической конъюнктуре хрущевского времени, до вполне резонной мысли о невозможности оценивать роль исторической личности однобоко. Даже морально и организационно поддерживавший авторов книги на протяжении всей эпопеи с ее изданием М.П. Ким в своем заключительном слове на том обсуждении признал некоторую политизированность такой трактовки и высказал мысль о том, что вряд ли возможно отделять фигуру Сталина от партии, которой он руководил, и народа, которым управлял (Стенограмма, 2011: 304–305). Вместе с тем Данилова в этом вопросе поддержали Х.Н. Дриккер, И.Б. Берхин, А.В. Снегов. Судя по звучавшим из зала вопросам и аплодисментам на яркое выступление Снегова, поддерживала авторов «Истории коллективизации» и собравшаяся на обсуждение аудитория.

Обычно, когда современные исследователи рассказывают историю «загубленного властями» двухтомника, они упускают из виду одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что, несмотря на явно скептическое отношение отдельных представителей брежневского руководства в науке к творчеству В.П. Данилова, они не помешали последнему спустя десятилетие издать две свои книги по истории доколхозной деревни, хотя в них и содержалась критика официальной на тот момент концепции коллективизации С.П. Трапезникова. Увидели свет и труды других членов авторского коллектива неизданной книги. Все это заставляет думать, что сложность ситуации вытекала не только из резкости представленных в книге оценок, но и из характера самого издания. Неслучайно в ходе обсуждения почти все выступавшие подчеркивали мысль о том, что «История коллективизации» является первым (очевидно, что после «Краткого курса») обобщающим трудом по этой теме. В условиях советской науки издание, подготовленное ведущим акаде-

свидетельствуют о том, что экономические и социальные процессы в тексте рассматривались практически как самодетерминируемая реальность. Ответ на вопрос о значении акторов коллективизации был дан ученым немного ранее. В своем докладе на Сессии по истории крестьянства в 1961 году Данилов, рассматривая двойственность мелкотоварного хозяйства, отмечал, что оно не может «стихийно, само по себе, под действием только внутренних сил, перерасти в социалистическое» (Данилов, 1961: 12).

мическим институтом на материалах всего СССР, автоматически превращалось в новую официальную версию трактовки рассматриваемых событий и процессов. Именно на нее стали бы равняться историки в регионах и республиках. Таким образом, «копья» ломались именно во имя утверждения новой официальной концепции коллективизации. Данилов к тому времени уже одержал одну существенную победу в этой борьбе. В 1965 году в «Советской исторической энциклопедии» вышла его статья о коллективизации, в которой он не только писал о трудностях осуществления «революции сверху» и ошибках Сталина, но и делал намеки на вызванный этим голод 1932/33 года (Данилов, 1965а). Разумеется, брежневское руководство, всеми силами стремившееся продлить существование сложившейся системы общественных отношений, не желало распространения подобного рода оценок. Поэтому основной новой официальной концепцией коллективизации стал изданный в 1967 году двухтомник заведующего отделом науки ЦК С.П. Трапезникова, куда менее конкретный, чем неизданная «История коллективизации», но при этом сглаживающий практически все «острые углы» темы (Трапезников, 1967). В более широком контексте история с не вышедшей книгой может рассматриваться как эпизод в борьбе ученых и представителей партапарата за то, кто должен был определять лицо советской науки. Неслучайно Данилова первоначально активно поддерживали как дирекция Института истории, так и академические круги. Результат этого конфликта также хорошо известен. Он закончился разделением Института истории в 1968 году и «разгромом» «нового направления» в советской исторической науке в 1972 году.

Советская доколхозная деревня как царство архаики

Изменения организационного свойства коснулись и лично В.П. Данилова. В 1969 году группа по изучению советского крестьянства была преобразована в сектор социалистического преобразования сельского хозяйства (впоследствии сектор истории советского крестьянства и сельского хозяйства), который возглавил И.М. Волков. Несмотря на то обстоятельство, что с последним Данилов вполне мирно уживался и неплохо ладил, потеря руководящего статуса свидетельствовала об утрате прежних позиций. Авторы биографической статьи о историке отмечали, что: «С конца 1964 года вплоть до начала перестройки в середине 1980-х гг. продолжался наиболее тяжелый период в научной жизни Данилова», когда «он беспрестанно подвергался необоснованным наскокам, несправедливой критике и в Институте, и на различных научных конференциях, в том числе на аграрных симпозиумах» (Вылцан, Емец, Слепнев, 2011: 45). Однако говоря об этом времени в жизни ученого, следует заметить, что именно тогда были написаны самые силь-

ные в научном отношении из его трудов. Сам Данилов со своим поражением не смирился, однако теперь он перенес основной акцент своей критики с концептов сталинской историографии на концепцию коллективизации С.П. Трапезникова. Это потребовало от него некоторого видоизменения структур своего анализа. Трапезников, в отличие от Сталина, противопоставлял друг другу не колхозную и доколхозную деревню, а деревню дореволюционную и послереволюционную. Уже первые преобразования советской власти, по его мнению, привели к тем сдвигам, которые коренным образом изменили социальное лицо советской деревни. В результате последняя в 1920-е годы стала ареной генезиса социалистических отношений в сельском хозяйстве. Интересно, что и Данилов и Трапезников называли практически один и тот же набор факторов, способствовавших переходу крестьян к коллективному ведению хозяйства. Сложно сказать, что в данном случае сыграло большую роль: общие умонастроения эпохи или та критика, которой Данилов подвергал Трапезникова в бытность последнего докторантом Института истории, но и тот и другой проникновение в деревню новой техники, широкое распространение кооперации, создававшей почву для более глубокого кооперирования деревни, деятельность первых колхозов, совхозов и машинно-тракторных колонн, усиление классовой борьбы на селе и сплочение бедняцкого актива называли в качестве объективных предпосылок коллективизации. Предметом спора была степень их зрелости на момент ее начала. Трапезников, правда, к этому перечню добавлял еще один фактор. Еще с 1950-х годов он утверждал, что осуществлению «великого перелома» способствовала деятельность крестьянской общины, являвшейся носительницей традиций крестьянского коллективизма. По его мнению, земельные общества под воздействием ряда политических акций власти превратились в «опорные пункты коллективизации» (Трапезников, 1967). Однако, несмотря на декларации о том, что коллективизацию осуществили «сами крестьяне», изложение материала в двухтомнике Трапезникова оставалось вполне субъектным. Фигура партии в его анализе также оказывалась главным действующим лицом истории, хотя ее роль в сравнении с концепцией «Краткого курса» и была немного видоизменена. В силу этого осмысление собственно экономических и социальных процессов развития деревни оставалось слабой стороной работ Трапезникова. Этот недостаток ясно увидел Данилов. Теперь основной акцент своего анализа доколхозной деревни он сосредоточил на ряде системообразующих для нее социальных институтах.

Прежде всего Виктор Петрович обратился к изучению крестьянского двора. С целью более глубокого познания процессов, протекавших внутри последнего, ученый стал активно привлекать работы экономистов-аграрников организационно-производственного направления. Следует заметить, что имена А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева в то время еще оставались в числе пре-

данных «остракизму» в советской науке. Свободно говорить о них можно было, лишь критикуя. Критиковал, разумеется, и Данилов, называя во введении своей книги названных ученых теоретиками и идеологами сельской буржуазии. Однако в тексте самой монографии историк воспроизводил их полемику 1920-х годов с экономистами марксистского направления по вопросу о социальной дифференциации крестьянства и фактически признал их правоту в этом споре. При этом ученый едва ли не высмеивал аргументы их идейных оппонентов (Данилов, 1977: 233–253)[3]. В результате Данилов не только констатировал правоту экономистов-аграрников организационно-производственного направления, но и пришел к выводам о том, что «двор (семья) являлся основной производственной и социальной микроячейкой единоличной деревни», а «взаимопереплетения и взаимодействие (социально-экономических и социально-демографических процессов. — *Н.К.*) играло немаловажную роль в механизме социальных перемещений, непрерывно происходящих и постепенно меняющих определенную социально-классовую структуру» (Данилов, 1977: 252, 264). Вместе с тем эти признания означали серьезную трансформацию во взглядах самого ученого, изменения в иерархии исследуемых им факторов эволюции доколхозной деревни. Если ранее Данилов в соответствии с марксистской традицией рассматривал производительные силы и производственные отношения как самодостаточные величины, то теперь стал характеризовать их как своего рода производные от института крестьянского двора. По поводу первых он писал: «мелкое индивидуальное производство неотделимо от господства ручного труда, живой тягловой силы и соответствующей техники», «возможность воспроизводства основных производительных сил внутри крестьянского хозяйства поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его традиционность и автаркизм» (Данилов, 1977: 268). Что касается вторых, то теперь их картина складывалась из взаимодействия трех подсистем отношений: 1) вну-

3. Помимо апологетического и формально-критического моментов в прочтении Даниловым работ экономистов организационно-производственного направления заметен и еще один оттенок восприятия их научного наследия. Это уже не формальная, а вполне реальная критика ряда их идей с позиций марксистского учения. Данилов указывал на то, что ученые чаяновской школы не в полной мере учитывали фактор капиталистической эволюции. По мнению Данилова, по мере включения крестьянского двора в сферу товарного производства и последующего раскрестьянивания, прежние, характерные для парцеллярного хозяйства, закономерности развития, утрачивали свою силу. Вся соль, однако, заключалась в том, что капиталистические отношения в советской доколхозной деревне, согласно Данилову, находились на раннем, начальном этапе их развития. В такой трактовке возможно увидеть попытку синтеза историком идей экономистов организационно-производственного направления со своими прежними канонически марксистскими подходами прочтения темы.

три крестьянского двора (семейной кооперации); 2) дворохозяйства с подобными ему в рамках функционирования сельской общины; 3) с другими социальными институтами (государством и обществом в целом) (Данилов, 1979: 13–14). Наконец, отталкиваясь от трудопотребительской сущности крестьянского хозяйства, Данилов теперь выводил свое понимание социальной структуры доколхозной деревни. Вслед за сторонниками А.В. Чаянова он стал настаивать на серьезном влиянии социально-демографических факторов на зажиточность крестьянского двора. Именно исходя из этого положения вырастала даниловская трактовка кулачества как слоя внутри крестьянства[4].

Совершенно иную характеристику, нежели в работах Трапезникова, получила у Данилова крестьянская община. В споре со своим давним оппонентом исследователь выдвинул ряд важных аргументов. Данилов отмечал, что и в 1920-е годы земельные общества, несмотря на утрату ряда своих прежних фискальных и полицейских функций, продолжали играть важнейшую роль в хозяйственной жизни деревни. Их влияние основывалось прежде всего на контроле за сферой крестьянского землепользования. Однако присущая их деятельности практика уравнительного распределения земли отнюдь не способствовала росту коллективных начал, а, напротив, была механизмом репродукции мелкого крестьянского хозяйства. Далее Данилов писал о том, что чересполосная система землепользования, так или иначе, заставляла крестьян подчиняться одной общей системе севооборота, практически синхронно произ-

4. Последнюю, вероятнее всего, следует считать продуктом именно этого этапа творчества Данилова. Конечно, он и раньше сближал крестьянство и кулачество, что хорошо заметно по протоколам заседаний их сектора. За это Данилова критиковали еще на Сессии по истории советского крестьянства в 1961 году. Тогда, правда, упрек состоял в том, что историк записывает трудящихся крестьян в число эксплуататоров (История, 1963: 152–153). Однако, как самостоятельный концепт, понимание крестьянства и кулачества в рамках одной социальной общности сложилось у Данилова, вероятно, только по мере его погружения в исследование системы социально-экономических отношений, связанных с функционированием крестьянского двора. Во всяком случае, в советской исторической энциклопедии он еще следующим образом характеризовал социальную природу данной общности: «Кулачество в России — деревенская буржуазия. Кулаки — это крупные (по сравнению с середняками и крест. беднотой) зем. собственники, арендаторы, эксплуатировавшие батраков и бедняцко-середняцкую часть деревни. Однако в массе своей они мало чем отличались по уровню культуры и быта от крестьян, участвовали в крест. физич. труде. Составляя небольшое меньшинство крестьянства, К. вместе с тем было самым многочисл. слоем капиталистич. предпринимателей в земледелии» (Данилов, 1965б: 262). Двойственность данной формулировки социальной природы кулачества можно объяснить не только официальным энциклопедическим характером издания, но и незавершенностью формирования этого концепта в сознании ее автора.

водить отдельные виды работ (внесения удобрений, пахоту, посев, жатву и т. д.). Но на деле это оказывалось отнюдь не плюсом, а пороком хозяйственного развития деревни. Незначительные размеры и сложная конфигурация таких участков затрудняли применение технических новшеств, а постоянные переделы лишали крестьянина стимула вложения средств для улучшения плодородия почвы. В итоге ученый пришел к выводу о том, что: «Общинная форма землепользования с присущей ей неустойчивостью размеров и расположения земельных наделов отдельных хозяйств, принудительным севооборотом, чересполосицей и дальноземельем сковывала развитие производительных сил деревни...» (Данилов, 1977: 136). Таким образом, функционирование общины способствовало не решению, а углублению народно-хозяйственных проблем страны. Наконец, конкретные материалы о деятельности земельных обществ в 1927–1929 годах показывали совсем не процесс их перерастания в колхозы, а юридическое сокращение круга функций и постепенное вытеснение сельсоветами из общественной жизни деревни (Данилов, 1977: 188–201). При этом в тогдашней трактовке Данилова исчезновение общины в результате коллективизации обретало характер практически объективного процесса. Дело в том, что, согласно ученому, в результате «социалистического преобразования» утратил свою системообразующую роль в деревне и порождавший необходимость функционирования земельных обществ институт крестьянского двора. В целом община в работах Данилова, в отличие от трудов Трапезникова, была представлена отнюдь не одной из ступенек к новому общественному строю, а, напротив, рудиментом архаики, препятствовавшим дальнейшему прогрессу села[5]. Впоследствии Данилов вспоминал, что апробация им этих наблюдений на состоявшейся в 1970 году сессии Аграрного симпозиума в Сигулде, а также публикация их в одном из региональных сборников, вызвала такой гнев Трапезникова, что стала одной из при-

5. Уже в 1990-е годы В.В. Кабанов выдвинул новый аргумент в этом споре. Согласно его мнению, и община, и колхозы в том виде, в каком они стали действовать после коллективизации, выступали по отношению к крестьянину силами социального принуждения. Таким образом, в ходе «великого перелома» один институт, диктующий свою волю мужику, просто-напросто сменился другим (Кабанов, 1995: 233–236) Однако нам представляется, что данная оценка историка была высказана прежде всего «в пику» своему учителю В.П. Данилову, во взглядах которого Кабанов первым из российских аграрников узрел новую догму. Все дело в том, что любой социальный институт обладает определенными свойствами принуждения по отношению к конкретной личности. Однако община личность крестьянина как социальный тип не разрушала. Напротив, в связи с деятельностью общины у крестьян формировались базовые представления о самих себе как социальной общности. Практика функционирования колхозов после коллективизации вела к разрушению норм крестьянской идентичности.

чин закрытия так называемой «общинной» секции в работе самого симпозиума (Современное крестьяноведение, 2015: 319–323).

Помимо взаимодействия крестьянского двора с общиной он также был включен в систему рыночных отношений и деятельность в системе кооперации. Анализ степени товаризации крестьянской продукции привел Данилова к выводу, что на рынок поступали только излишки от собственного потребления, а крестьянское хозяйство вплоть до конца 1920-х годов сохраняло «натурально-потребительскую сущность» (Данилов, 1979: 177, 186). Система кооперации в нэповской деревне теперь получала у Данилова новую оценку. Казалось бы, историк писал о том же, о чем и раньше, однако теперь он совершенно иначе расставлял акценты. Если в работах Данилова начала 1960-х годов кооперативные институты рассматривались как элементы генезиса социалистических отношений, то в монографиях по истории доколхозной деревни на первое место была вынесена проблема их соотношения с институтом крестьянского двора. Проанализировав различные аспекты этого взаимодействия, историк пришел к следующим выводам. Во-первых, он отмечал, что «использование преимуществ и выгод, предоставляемых торгово-кредитными формами кооперации, способствовало развитию и укреплению мелкобуржуазных и капиталистических отношений». Такого рода формы кооперации укрепляли крестьянский двор, делали его более независимым от власти кулака и ростовщика, но, с другой стороны, они же были источником его собственных накоплений, служили росту его зажиточности и возможностью для превращения в кулацкое хозяйство. Во-вторых, в рамках простейших производственных форм кооперирования (машинных, семеноводческих, мелиоративных товариществ) и даже ТОЗов крестьянин не отказывался от собственной обработки земли. В силу этого многие из них играли подсобную роль по отношению к крестьянскому хозяйству (последнее «осталось важнейшей, иногда преобладающей составной частью в этом дуалистическом организме») (Данилов 1979: 205–295). Исходя из этих наблюдений у Данилова сформировалась, по сути, новая оценка социальной природы производственных отношений в доколхозной деревне. Если в 1961 году он писал о процессе перехода от буржуазных отношений к отношениям, «которые могут быть охарактеризованы как переходные к социалистическим» (Данилов, 1961: 59), то теперь декларировал преобладание на селе до коллективизации мелкотоварного и патриархального укладов (Данилов, 1979: 357)[6]. Патриархальность до-

6. Показательно, что в докладе 1961 года определение «патриархальные отношения» вообще не встречалось среди итоговых характеристик аграрного строя советской деревни 1920-х годов. Любопытно также, что эта характеристика вызвала небольшую дискуссию в ходе обсуждения монографии Данилова «Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения» на заседании сектора истории социалисти-

колхозной деревни ученый явственно противопоставлял тем сдвигами в направлении социализма в социально-экономической жизни села, которые утверждала официальная концепция коллективизации. В целом совокупность характеристик деревни 1920-х годов в обновленной системе взглядов Данилова ясно свидетельствует о нем, как ярком представителе «нового направления» в советской исторической науке.

Работа над фундаментальным проектом по социально-экономической истории доколхозной деревни потребовала значительно больше времени, чем рассчитывал Данилов. Так, изначально он предполагал закончить монографию на эту тему еще в 1970 году[7]. Однако первый вариант книги был представлен в секторе только перед новогодними праздниками 1972 года (его обсуждение состоялось 28 декабря)[8]. Несмотря на самые положительные отзывы, некоторые участники обсуждения все же отмечали, что рукопись нуждается в сокращении. По-видимому, это мнение разделял и сам автор. Во всяком случае, о сокращении своей книги он отчитывался на заседании сектора в 1974 году[9]. Вероятно, только после этого Данилову пришла в голову мысль разделить исследование на две части (они увидели свет отдельными книгами в 1977 и 1979 годах). Публикация этих монографий открыла перед их автором возможность защиты докторской диссертации, которая состоялась только в 1982 году (Данилов, 1982). После этого Виктор Петрович занялся новым исследовательским проектом — монографией «Культура и быт советской доколхозной деревни». Эта тема интересовала историка еще с конца 1970-х годов и, вероятно, первоначально мыслилась исследователем как своего рода продолжение двух предыдущих книг. Во всяком случае, в пилотной статье проекта Данилов опять остро критиковал присущую советской официальной историографии модель изучения культурной жизни деревни 1920-х годов: фиксируемым в рамках последней прогрессивным изменениям в жизни села (рост грамотности, снижение религиозности, расширение сферы культуры и научных знаний, рост политического сознания) он противопоставлял идею самодостаточности крестьянской культуры. Основной вывод статьи заключался

ческого преобразования сельского хозяйства в 1978 году, ибо некоторые из участников решили, что такая трактовка бросает тень на предпосылки Октябрьской революции (Архив РАН Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 53–56 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 1 июня 1978 г.)).

7. Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 53–56 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 1 июня 1978 г.).
8. Там же. Д. 411. Л. 1–5. (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства 28 декабря 1972 г.).
9. Там же. Д. 640. Л. 25. (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 28 мая 1974 г.).

в том, что, несмотря на проникновение в деревню ряда инноваций, ее духовная жизнь сохраняла в значительной мере традиционный характер» (Данилов, 1883: 384)[10]. Данилов подчеркивал глубокую связь крестьянской культуры с хозяйственной деятельностью крестьянского двора, природными циклами и функционированием локальных сообществ. Таким образом, отмечаемое им ранее влияние архаики на хозяйственную и общественную жизнь доколхозного села он распространял теперь и на сферу деревенской культуры. По ходу работы над темой даниловская полемика приобрела и иные направления, однако все говорит о том, что первоначально она вполне соответствовала намерениям, в целом характерным для данного этапа научного творчества Данилова. Окончание работы над книгой планировалось ученым на 1987 год[11]. Но учитывая тщательность, с которой Данилов приступил к сбору материалов и их осмыслению, смело можно утверждать, что и этот срок оказался бы в итоге им не выполнен. Однако начавшаяся перестройка и последовавшие за ней события серьезно поменяли планы ученого.

Перспективы НЭПа и альтернативы «революции сверху»

Сам Данилов хронологическим рубежом нового периода своей жизни определял 1987–1988 годы. В 1987 году он вернулся на руководящую должность заведующего сектора. Тогда же, вместе с прозвучавшим лозунгом «гласности», историки-шестидесятники почувствовали долгожданное освобождение из тисков идеологического и бюрократического контроля и принялись за освоение ранее запретных тем. Происходившие в жизни страны перемены вселяли в Данилова и политические надежды на построение подлинного демократического социализма (Данилов, 2011д: 649–650). Однако со времен оттепели общественное восприятие советского исторического опыта существенно изменилось. В результате в период перестройки Данилов столкнулся с новым идейным течением, претендующим на иное прочтение истории советской деревни (и коллективизации, в частности). Этот новый взгляд формировался постепенно. Так, еще в 1970–1980-е годы деревенская проза, ро-

10. Интересно, что в этой статье Данилов также акцентировал внимание на том, что политическая культура не тождественна общественно-политической жизни» (Данилов, 1883: 387). В данном случае показательно то, что на предшествующем этапе своей научной деятельности он сам немало сделал для утверждения критикуемого здесь подхода, предполагающего характеристику политического сознания крестьян посредством анализа общественных организаций, функционировавших в деревне (Данилов, 2011и).

11. Архив РАН. Ф 1841. Оп. 1. Д. 1334. Л. 35 (Протокол заседания сектора истории социалистического преобразования сельского хозяйства. 22 апреля 1980 г.)

мантизируя крестьянский быт и призывая вернуться к истокам, красочно воспела мир ушедшего в прошлое традиционного русского села. Стагнация сельского хозяйства и проблемы в сфере потребления накладывали критическое восприятие на функционирование колхозной системы. Приоткрывшийся «железный занавес» привел к тому, что многие увидели достижения либеральной модели, а решение проблем сельского хозяйства стало связываться с деятельностью фермерских хозяйств. Данилов всего этого не разделял. Позже А.В. Журавель вспоминал: «Он очень иронично отозвался о пресловутом, широко рекламируемом тогда «архангельском мужике», неодобрительно — о писателе Б. Можаеве и очень резко о публицисте Ю. Черниченко» (Журавель, 2011)[12]. Еще бы, ученый слишком хорошо знал историю доколхозной деревни с ее нищетой, антагонизмами и примитивной техникой, приводившей к колоссальной растрате производительных сил, чтобы идеализировать этот строй. Крупное производство ему представлялось куда более эффективным с экономической точки зрения, нежели мелкие разрозненные крестьянские или фермерские хозяйства. В колхозах, при условии устранения государственного контроля над ними, Данилову виделись кооперативные предприятия-социумы, своего рода микроячейки социализма. Однако критическая модель восприятия колхозной системы к концу 1980-х годов набрала уже значительную силу. Ее стали поддерживать не только литераторы и публицисты, но и некоторые политики, а также многие академические ученые. Этот критический взгляд переносился ими на историю коллективизации. Учитывая, что предпринятые некоторыми из историков слабые попытки реанимировать в немного видоизменном виде официальную советскую концепцию коллективизации, особого успеха не имели, именно идеи радикально-критического направления на данном этапе даниловского творчества стали главным для него объектом полемики.

В идейном отношении в работах Данилова той поры в некоторой степени наблюдалось возвращение к его концепции эпохи оттепе-

12. Сегодня мало кому известный «архангельский мужик» Н.С. Сивков в то время стал чуть ли не одним из символов эпохи. В прошлом рабочий-связист, в 1982 году он поселился на хуторе «Красная горка» в Виноградовском районе Архангельской области, взял в аренду участок земли и заключил с местным совхозом договор по откорму молодняка крупного рогатого скота. Это начинание сразу привлекло внимание сначала местной, а затем общесоюзной прессы. В 1986 году появился документальный фильм М. Голодовской «Архангельский мужик», принесший Сивкову общесоюзную известность. Вполне понятна ирония В.П. Данилова по поводу его фигуры. Этот едва ли не единичный случай окрестьянивания был представлен в СМИ как магистральный путь спасения России. Автор благодарит за информацию о Н.С. Сивкове и содержательные консультации по этому вопросу журналиста и краеведа из пос. Березник Архангельской области В.Г. Захарова.

ли. Так же как и тогда речь зашла об ошибках, допущенных Сталиным в ходе аграрных преобразований. Вновь заострялось внимание на вопросе об ответственности за насилие «революции сверху». Однако теперь исследование Даниловым темы коллективизации все более перемещалось в плоскость политической истории. Он принял участие в подготовке книги «Историки спорят. Тринадцать бесед», представлявшей собой одну из первых системных попыток переосмысления советского исторического опыта. Оттолкнувшись от обсуждаемого еще в советской исторической науке вопроса о хронологических границах нэпа, ученый остро противопоставлял на страницах книги период 1921–1929 годов — последующему развитию СССР, свободу торговли и методы экономического регулирования — чрезвычайщине и директивному планированию. По мнению Данилова в экономической и политической жизни эпохи нэпа преобладали позитивные тенденции, создававшие условия для построения социализма, которые были разом разрушены актом осуществления сталинской «революции сверху» (Данилов, 1988б). В том же издании Данилову возражали В.П. Дмитренко и В.С. Лельчук. Первый противопоставил даниловскому тезису о разрывности истории 1920-х и 1930-х годов идею континуитета. Он отмечал, что помимо элементов рынка нэп изначально предполагал постепенное усиление государственного регулирования экономикой. Вместо возможностей для построения подлинного социализма Дмитренко указывал на опасности утраты партией контроля над экономикой и общественной жизнью страны (Дмитренко, 1988). Лельчук к этим доводам добавлял еще один аргумент. По его мнению, ориентация на военно-коммунистические методы управления была изначально заложена в этосе большей части членов ВКП(б), что обуславливало периодическое возникновение кризисов нэпа, и в конечном итоге предопределило его судьбу (Лельчук, 1988). С точки зрения Данилова, эти аргументы являлись возвращением к старой советской модели осмысления темы. В то же время ученый признавал существование сложнейших хозяйственных проблем в жизни страны на рубеже 1920–1930-х годов, связанных с диспропорциями экономики и низкой производительностью сельского хозяйства. За предыдущие несколько десятилетий своих исследований он уже вполне смог убедиться в ограниченности возможностей крестьянского хозяйства в качестве основы аграрной экономики. По-видимому, сам осознавая некоторую «зыбкость» своих трактовок НЭПа, Данилов обратился к антропологической по своей природе концепции выбора. Ученый писал: «Историю делают люди, одаренные разумом и волей, влекомые интересами и потребностями. Иначе говоря, субъективный фактор играет заметную роль, а подчас приобретает значение совершенно исключительное. История предоставляет людям возможность выбора путей и способов дальнейшего развития (в пределах определенных объективных условий)...» (Данилов, 1988а: 174). Отсюда вытекала тема так называемых альтерна-

тив, с этого времени ставшая главным «фетишем» в исследованиях Данилова. Обращение к этому идейному концепту означало усиление субъектных начал в исследовательской практике и нарративах ученого, предполагало его переход от анализа процессов к осмыслению деятельности тех или иных политических фигур.

В качестве силы, способной в конце 1920-х годов изменить ход истории, Даниловым были названы «правые» (группа Бухарина в рядах ВКП(б)). Впоследствии историк жестко критиковал созданный либеральной прессой миф о П.А. Столыпине как возможном спасителе России (Данилов, 2011д: 659–661). Однако, по сути дела, похожий миф он сам создал о Н.И. Бухарине. Как кажется, Данилов впал в такую же апологию своего героя. В получившей широкую известность статье «Бухаринская альтернатива» Николай Иванович был представлен и как носитель идей «кооперативной коллективизации» А.В. Чаянова, и самым последовательным учеником В.И. Ленина. Увлеченность Бухарина военно-коммунистическими методами управления в «Экономике переходного периода» представлялась Данилову как «ошибки молодости», а призывы к наступлению на кулака, прозвучавшие из уст партийного лидера на XV съезде ВКП(б), объяснялись запалом борьбы с «левыми». Личность Бухарина в этом очерке противопоставлялась фигуре Сталина. И если первый представал в изображении Данилова бескорыстным и искренним борцом за строительство социализма, то второй — циничным прагматиком, обманывающим партию ради достижения личной выгоды (Данилов, 2011а). Еще одна идея, которую неоднократно подчеркивал Данилов в ходе своего исследования альтернатив коллективизации, — это мысль о принципиальном отличии осуществленного Сталиным варианта аграрной реформы от идей «левых» и, в частности, Л.Д. Троцкого (Данилов, 2011а: 125; Данилов, 1988б: 130; Р. Дэвис — В. Данилов, 1990: 93). Таким образом, как ни парадоксально, в даниловской трактовке альтернатив в зеркальном виде отразились положения концепции «Краткого курса», признававшего в «революции сверху» единственный доступный на тот момент выход из тупика народнохозяйственного развития конца 1920-х годов. В итоге Данилов, напротив, оказался готов признать правоту в соотношении с позицией Сталина практически всех его оппонентов.

В октябре 1988 года на состоявшейся в редакции журнала «История СССР» дискуссии по вопросам коллективизации В.П. Данилов представил свою концепцию кооперативного пути социалистического преобразования как объективной основы альтернативы «осуществления коллективизации в сталинском варианте». При этом заметны существенные изменения в трактовке историком кооперации по сравнению с его прежними работами. Если раньше он подчеркивал отличие торговых и производственных форм кооперирования, то теперь писал о том, что их не следует противопоставлять. Если раньше историк констатировал зависимость различных форм кооперации от института крестьянского двора,

то теперь настаивал на успешности их развития в 1920-е годы с точки зрения задач социалистического преобразования советского хозяйства. Данилов писал: «Кооперирование приобретало характер органического процесса, т.е. добровольного и постепенного, но совершающегося в силу собственных потребностей крестьянских хозяйств» (Коллективизация, 1989: 14; Данилов, 2011з). Получается, что собственные потребности крестьянского двора уже не вели к индивидуальному накоплению? Теперь Данилов утверждал, что процесс кооперативной кооперации выражал основную хозяйственную тенденцию развития деревни 1920-х годов и являлся реальной возможностью осуществления ненасильственной коллективизации. Разумеется, эта модель решения аграрного вопроса, по мнению Данилова, и лежала в основе бухаринской программы конца 1920-х годов. Еще одной проблемой, оценка которой Даниловым по сравнению с предыдущим этапом его творчества претерпела существенные изменения, был вопрос о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года. В своей книге «Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения» исследователь говорил об объективной основе кризиса. Там Данилов фактически воспроизводил размышления Ю.А. Мошкова из его «Зерновой проблемы» об увеличении потребления зерна в деревне 1920-х годов за счет той части, которая до революции реализовывалась вне села, но делал из них собственный вывод. «В природе мелкого товарного производства, отчуждающего для обмена только излишек над собственным потреблением, — писал ученый, — и заключались главные причины хлебозаготовительного кризиса конца 1920-х годов» (Данилов, 1979: 186). В работах же эпохи перестройки Данилов стал объяснять кризис вслед за Н.И. Бухариным неудачной конъюнктурой цен и ошибками советских плановых и заготовительных организаций (Данилов, 2011а: 134–135; Данилов, 1990: 13). В совокупности эти изменения в подходах и оценках Данилова свидетельствуют о глобальном переосмыслении историком всей темы коллективизации.

В ходе уже упомянутой дискуссии о коллективизации 1988 года произошло острое столкновение взглядов между историками-аграрниками эпохи оттепели (В.П. Данилов, Ю.А. Мошков, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, Н.Я. Гущин) и представителями радикально-критического направления (в работе круглого стола приняли участие академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов и секретарь правления Союза писателей СССР Ю.Д. Черниченко). В частности, между Даниловым и Тихоновым разгорелся жаркий спор по вопросу о социальной дифференциации в доколхозной деревне. Тихонов, используя приемы формальной логики, доказывал отсутствие кулака как социального класса накануне коллективизации. Он исходил из утверждения, что любое кулацкое хозяйство должно было использовать не менее трех постоянных рабочих (иначе его нельзя считать эксплуататором). А исходя из своих подсчетов численности постоянных рабочих в 668 тыс. человек, он предполагал, что в таком случае к кулачеству можно

было отнести не более 233 тыс. хозяйств. Разумеется, наемные работники не обязательно распределялись по трое на хозяйство, а оттого итоговая цифра получилась еще меньше. В результате этих исчислений Тихонов приходил к мысли о том, что раз кулачество отсутствовало как социальное явление, то политика власти имела исходной целью «уничтожить не кулаков, а класс крестьянства». Опять же, исходя из формальных данных об изменении количества дворов, Тихонов указывал людские потери в результате коллективизации и сопутствующих ей факторов в 21–23 млн душ крестьян (Коллективизация, 1989: 21–28). Данилов, возражая ему, оперировал главным образом двумя аргументами. Во-первых, ученый, основываясь на своем представлении о преобладании в доколхозной деревне раннекапиталистических и докапиталистических структур, отмечал, что эксплуататорские отношения в ней не исчерпывались наймом рабочей силы. Найм и сдача средств производства, аренда земли, кабальный кредит так же создавали их экономическую основу. Он повторял свой прежний вывод о том, что кулачество еще окончательно не выделилось, из крестьянской среды. Тем не менее, согласно Данилову, оно было вполне реальным слоем внутри крестьянства и к осени 1929 года составляло 2,5–3% его численности (600–700 тыс. хозяйств). Во-вторых, Данилов настаивал на том, что на сокращение численности крестьянских дворов в 1920–1930-х годах повлияла не только коллективизация, но иные факторы, среди которых ученый называл и избыток рабочей силы в доколхозной деревне. На основании своих подсчетов историк определял число раскулаченных дворов в 1–1,1 миллиона хозяйств (у Тихонова 3 млн) (Коллективизация, 1989: 31–38). Эти оценки явно не устроили сторонников радикально-критического подхода. А поскольку Данилов оперировал хорошо выверенными статистическими данными, в ход пошли полемические приемы и риторические упреки. Так, Тихонов упрекнул Данилова в том, что тот в косметически подправленном виде пытался возродить советскую официальную модель исследования этой темы, а Черниченко и вовсе обвинил историка в попытке «отмывания черного кобеля» (Коллективизация, 1989: 38–39, 52). Однако присутствовавшие на мероприятии историки, несмотря на наличие некоторых расхождений в своих трактовках и оценках обсуждаемых проблем, не поддержали радикальных критиков.

Спустя полтора года после этих событий Данилов опубликовал в журнале «История СССР» статью «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», в которой свел в единое идейное полотно сюжеты, над которыми работал в течение нескольких предыдущих лет (Данилов, 1990). Она почти сразу приобрела программный характер среди историков. Похожие оценки вскоре стали появляться в работах коллег Данилова по Институту российской истории, а затем были широко «растиражированы» региональными исследователями коллективизации. Таким образом, если политическим надеждам Данилова на построение подлинного социализма так и не суждено было сбыться, то в науке победила именно декларируемая им позиция.

В чем же заключались причины этой победы? Прежде всего следует отметить, что на момент начала перестройки Данилов оказался самым фундированным из специалистов, занимавшихся историей советской деревни. С его знаниями и авторитетом (сформировавшимся во многом в силу ранее занимаемой нонконформистской позиции) были вынуждены считаться даже его оппоненты. Историк, как оказалось, знал предмет дискуссии гораздо лучше своих идейных противников. Далее можно заметить, что многие историки его поколения пребывали в своего рода растерянности и не знали толком, как реагировать на предлагаемое критиками колхозной системы радикальное переосмысление концептов прежней советской историографии коллективизации. Ведь в таком случае пересматривать приходилось и их собственные работы. Данилов предложил такую модель прочтения темы, которая интегрировала достижения советской историографии с не вызывающими особых возражений (как правило, документально верифицируемыми) критическими интенциями эпохи. В силу этого он стал естественным лидером для историков своего поколения. Говоря об этой победе, нельзя не отметить и организаторские качества ученого. Данилов смог наладить сотрудничество с ведущими западными специалистами в области советской аграрной истории и предложил ряд научно-издательских проектов, в которых оказалось задействовано большое число как московских, так и региональных историков советской деревни. Общее дело, как известно, сближает людей. К этому следует добавить, что организованные Даниловым проекты оказались отнюдь не очередными «братскими могилами», наподобие коллективных монографий брежневской эпохи, а реально способствовали профессиональному и интеллектуальному росту их участников (Кондрашин, 2014: 164–173). Наконец Данилов оказался готов к сотрудничеству с молодым поколением историков, некоторые из которых занимали на тот момент куда более радикальную позицию, нежели он сам. Пожалуй, лучшим примером подобного взаимодействия может служить творческое сотрудничество Данилова и С.А. Красильникова, благодаря которому увидела свет серия документальных сборников о раскулачивании в Западной Сибири. Говоря об этом, следует отметить, что и собственная позиция Данилова была далека от догматизма. Воззрения историка на коллективизацию продолжили эволюционировать и после его победы в историографической революции.

Коллективизация в контексте утверждения сталинской диктатуры

Отсчет последнего периода в жизни и творчестве Данилова следует вести с 1992 года. Тогда, в феврале, с обсуждения безусловной классики западного крестьяноведения — книги Дж. Скотта «Мо-

ральная экономика крестьянства» (Лондон, 1976) стартовала работа теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Этот организованный совместно с Т. Шаниным проект имел огромное значение для развития отечественной аграрной историографии. Конечно, далеко не все идеи западных классиков были приняты (и тем более использованы) российским научным сообществом, тем не менее сам семинар стал местом методологического просвещения российских историков-аграрников. В ходе дискуссий на его заседаниях вырабатывались магистральные линии прочтения тех или иных сюжетов. Семинар сыграл важную роль и в судьбе самого Данилова, который был ведущим и фактически главным действующим лицом на этих заседаниях. Вероятно, именно тогда историк осознал себя уже состоявшимся мэтром. Действительно, в 1950—1960-е годы он пребывал еще в качестве молодого и талантливого ученого. Несмотря на то что уже первые работы принесли ему известность и уважение коллег, Данилов, несомненно, уступал авторитетом и влиянием на научную жизнь таким «мастодонтам» Института истории, как А.Л. Сидоров, М.В. Нечкина, М.П. Ким, И.И. Минц и ряду других ученых старшего поколения. Затем в конце 1960-х — первой половине 1980-х годов, остро ощущая свое полудиссидентское положение в академическом мире, Данилов нередко вынужден был лавировать, ища поддержку у тех или иных сил. Протоколы заседаний их сектора свидетельствуют о том, что ученый мог быть вполне дипломатичным, проявлять выдержку и чувство такта. В дискуссиях рубежа 1980–1990-х годов Данилов на равных спорил со своими оппонентами в мире науки. Теперь же он превратился в подлинного патриарха аграрной истории советского периода. В частности, на заседаниях семинара он порою настолько увлекался менторским тоном, что, не замечая хода развития дискуссии, декларировал свои собственные выводы[13]. Также в 1992 году началась работа по подготовке двух крупнейших издательских проектов, посвященных истории деревни 1920–1930-х годов: «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глаза-

13. Например, это хорошо заметно на материалах семинара 26 октября 1995 года по книгам Д. Филда «Повстанцы во имя царя» (Бостон, 1976) и Т. Шанина «Революция как момент истины» (Лондон, 1986). В ходе этого обсуждения разгорелся спор по вопросу о так называемом «наивном монархизме» крестьянства. И хотя многие участники семинара (среди них столь авторитетные ученые, как Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, Ю.А. Мошков) увидели в распространенном в СССР культе «вождей» своеобразное развитие (новое воплощение) прежних крестьянских представлений о власти, В.П. Данилов в своем заключительном слове декларировал, что дискуссия однозначно показывает: «крах идеологии наивного монархизма уже в годы Первой русской революции» (Современное крестьяноведение, 2015: 462– 510).

ми ВЧК-ОГПУ-НКВД»[14]. Эти масштабные серии потребовали кооперации усилий большого числа историков и архивистов и стали своего рода «визитной карточкой» постсоветской аграрной историографии. Однако говоря об эволюции собственных взглядов Данилова, следует обратить внимание еще на один издательский проект. Это осуществленная совместно с О.В. Хлевнюком и А.Ю. Ватлиным публикация стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 годов в сборниках «Как ломали НЭП».

Стенограммы пленумов были подлинными хрониками сталинской «революции сверху». Для Данилова работа по их публикации стала одним из источников дальнейшего пересмотра взглядов на коллективизацию. В частности, в фокусе зрения ученого опять оказался вопрос об истоках хлебозаготовительного кризиса 1927/28 годов. В связи с этим ученый вновь обратился к истории о «мифических», по выражению Бухарина, 900 миллионов пудов хлебных запасов крестьянства накануне кризиса. Однако если в 1990 году Данилов писал о том, что этот «легковесный хлебофуражный запас ЦСУ» стал источником заблуждений верхов партии насчет экономических возможностей деревни (Данилов, 1990), то теперь история в изложении Данилова приобрела иной оборот. Заблуждения превратились в «аферу со статистикой хлебных запасов хлеба» — одной из многоходовых комбинаций Сталина, рассчитанных на удержание контроля над партией в борьбе со своими врагами в Политбюро (Данилов, 2011е: 434). Историк обратил внимание на то, что появлению этого нереалистичного хлебофуражного баланса предшествовал ряд кадровых перестановок: смена руководства ЦСУ в 1925 году и назначение в 1926 году наркомом внешней торговли СССР вместо Л.Б. Каменева верного подручного Сталина А.И. Микояна. В результате в 1927 году, несмотря на то что и Микоян, и тогдашний управляющий делами ЦСУ В.П. Милютин сомневались в выполнимости намеченных хлебозаготовительных планов, публично на пленумах они озвучивали лишь угодные Сталину суждения (Данилов, Хлевнюк, 2011: 413–414). Как известно, неверные данные о хлебных запасах крестьян стали одним из идеологических обоснований применения в деревне «чрезвычайных методов». Критика последних со стороны Бухарина и его сторонников порождала борьбу с так называемыми «перегибами». Эта категория оказалась столь удобна для Сталина не только потому, что позволяла свалить всю вину за репрессии на местное руководство, но и потому, что делала региональные верхи партии своего рода заложниками сталинского курса. В дальнейшем Сталин и его единомышленники, умело маневрируя и используя формулу «одно-

14. Калужский государственный университет. Личный архив В.П. Данилова (Данилов В.П. О ходе и результатах работы над международным научно-исследовательским проектом «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 — 1937 (1940) гг.»).

временного утверждения и отрицания», формально поддерживая критику, на практике дезавуировали ее и продолжили свою линию на эскалацию репрессий. А затем, когда проявления кризиса в экономике Советского Союза стали уже очевидны, обвинили «правых» в том, что они радуются трудностям, которые переживает страна (Данилов, Хлевнюк, 2011: 419; Данилов, 2011е: 432, 437; Данилов, Хлевнюк, Ватлин, 2011б: 439, 454, 457; Данилов, Хлевнюк, Ватлин, 2011а: 474–475). Разумеется, Сталин в борьбе за власть использовал не только манипуляцию информацией, но и другие приемы: кадровые перестановки, разжигание конфликтов между представителями правящих верхов, дискредитацию оппонентов. Обо всем этом также писал Данилов. Показательно, однако, что теперь предыстория коллективизации описывалась посредством изложения конфликта внутри советской политической элиты, а ее истоки виделись ученому исключительно в сфере борьбы за власть.

Этот взгляд был успешно применен Даниловым и в его «Введении» к первому тому «Трагедии советской деревни». В отличие от работ конца 1980-х — начала 1990-х годов, в которых Даниловым обычно подробно излагалось состояние сельского хозяйства и проблемы, стоявшие перед страной накануне коллективизации, в этом тексте он лишь вскользь говорил о трудностях догоняющего развития и необходимости модернизации. Очень кратко (практически конспективно) упоминались им прежние выкладки о роли кооперации и бухаринской альтернативе. Главными темами этого очерка стали политическая борьба в верхах ВКП(б) и нарастание государственного насилия в деревне по мере утверждения сталинского курса. Главной фигурой повествования — Сталин и его окружение. Так же как и в случае со статистикой хлебных запасов, Данилов показывал использование генсеком в своих собственных интересах информации о возможной военной угрозе в 1927 году (Данилов, 2011б: 507–513). Ставилась историком и проблема степени ответственности центральной и местной элит за эскалацию насилия. В этом вопросе Данилов хотя и признавал то, что на «местах» «было немало горячих голов», тем не менее доказывал, что импульсы репрессивной политики исходили «сверху», а произвол партийных и советских организаций в деревне порождался, соответственно, предписаниями центральных органов власти. В качестве своеобразных регуляторов, поддерживающих устойчивость этой системы отношений, исследователем назывались репрессии против представителей власти на местах, многочисленные партийные чистки и кампании по борьбе с перегибами (которые, несмотря на видимую антирепрессивную направленность, также были призваны поддерживать в тонусе мобилизационные способности аппарата). «Сталинская политика нуждалась в исполнителях, способных беспрекословно выполнять любое задание», — писал ученый (Данилов, 2011б: 524–532). По мере формирования сталинского курса Данилов отмечал усиление роли органов ОГПУ в деревне и в стране в целом (Да-

нилов, 2011б: 525). В тексте «Введения» изложение отдельных сюжетов полностью сводилось историком к описанию деятельности этой организации, изложению ее секретных директив и инструкций. Фактически ОГПУ наряду со сталинским руководством, бухаринской оппозицией и местными кадрами стала одним из главных действующих лиц даниловского нарратива. Подобное внимание открывало возможность для перенесения некоторой доли ответственности за развязывание насилия в деревне на органы политического контроля. Немногим позже Данилов и сам заметил эту свою оплошность. Рассмотрению этого вопроса он посвятил отдельную статью «Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро» (Вопросы истории, 2003, № 10). История эта связана с попыткой в 1931 году ряда руководящих работников ОГПУ (явно не справлявшегося с размещением и обустройством спецпереселенцев), немного сократить «лимиты» репрессируемых, а также внести коррективы в масштабы, сроки и условия раскулачивания. Закончилась она «проработкой» и кадровыми перемещениями сотрудников, посмевших поставить под сомнение «генеральную линию» партии и волю генсека (Данилов, 2011к). Смысл этой «притчи» однако был в том, что даже сотрудники политической полиции оказались человечнее сталинского руководства. Обращением к этому эпизоду Данилов еще раз (для того чтобы ни у кого не возникло сомнений) давал понять, кто является главным виновником постигших деревню бедствий.

Таким образом, очевидно, что взгляды Данилова от поисков в эпоху перестройки — идеальной, но так и не реализованной формулы построения подлинного социализма, — развивались в направлении постулатов тоталитарной историографии. Апофеозом этого подхода в творчестве ученого следует считать предисловие к первой книге 5-го тома «Трагедии советской деревни», посвященной эпохе Большого террора. Прежде всего обращает на себя внимание, что Данилов расширял хронологические границы самого этого явления. Он писал о том, что программа террора сложилась у Сталина еще в конце 1920-х годов, а «начиная с 1927 года репрессии в деревне стали постоянным явлением». Поэтому, по мнению историка, период 1937–1938 годов был всего лишь их очередным пиком (Данилов, 2011в). Показательно и то, что если раньше репрессивные кампании власти рассматривались историком в контексте осуществления тех или иных задач (будь то хлебозаготовки или коллективизация), то теперь он писал о том, что основной целью репрессий было формирование атмосферы страха, как основы сталинского правления. Главным инициатором репрессий исследователем назывался лично сам Сталин. На фоне этого персонажа в данном тексте растворялись даже характерные прежде для Данилова отсылки к абстрактной фигуре сталинского руководства. В связи с этим весьма характерна одна маленькая деталь. В ходе работы над составлением сборника историк обратил внимание на письмо, адре-

сованное Л.М. Кагановичем Г.К. Орджоникидзе, в котором первый характеризовал Сталина словом «хозяин». Этот эпитет так понравился Данилову, что он затем многократно повторил его на страницах своего очерка о Большом терроре. Интересно также и то, что на рубеже 1990–2000-х годов в российских научных журналах состоялась дискуссия по поводу применимости подходов западных историков ревизионистского направления к советской истории 1920–1930-х годов (Павлова, 1998; Игрицкий, 1999; Олегина, 1999; Щербань, 1999; Соколов, 1999; Советское прошлое, 2000; Павлова, 2001; Жуков, 2002; Павлова, 2003). В ее ходе звучали и иные определения Большого террора — такие как «ежовщина» и «великие чистки». Данилов также коснулся этого вопроса. На него он однозначно отвечал, что ни руководство НКВД, ни местные работники не являлись инициаторами репрессий 1937–1938 годов. В частности, ученый писал «“ежовщина” была всего лишь практикой сталинщины» и «местный произвол имел место, но по существу своему являлся продолжением произвола центра» (Данилов, 2011в: 591). Там, где только мог, Данилов подчеркивал личное участие Сталина: «“Хозяин” не только давал или не давал пострадавшим районам продссуды, но и разрешал или не разрешал использовать эти ссуды на конкретные нужды!», «инициатива и в проведении «кулацкой операции» принадлежала Сталину» «однако в целом вся операция до конца декабря проходила, как свидетельствуют публикуемые документы, под личным контролем Сталина...» и т. д. (Данилов, 2011в: 576, 588, 601). Конечно же, Данилов нигде прямо не называл генсека параноиком и садистом, но в своем очерке о Большом терроре он очень много сделал для формирования именно такого образа. Точно так же историк не декларировал поддержку исследователей тоталитарного направления, однако оценки, высказанные Даниловым на этом этапе его научной деятельности, оказались вполне созвучны их идеям, а его введение к 5-му тому «Трагедии советской деревни» и вовсе могло бы на полном основании претендовать на статус классики тоталитарной историографии.

После победы в историографической революции, казалось бы, у Данилова не осталось реальных конкурентов в формировании представлений о коллективизации в научном сообществе. Его взгляды и концептуальные проходы стали идейной основой новой парадигмы прочтения истории «революции сверху» и постепенно превращались в ее догмы. По мере ужесточения с каждой новой редакцией даниловских оценок сталинского режима наблюдалось даже их сближение с идеологией бывших противников из числа радикальных критиков советской системы. Сама новая историографическая парадигма стала своего рода результатом синтеза идей этих двух течений, сложившихся на закате советской эпохи. Тем не менее внимательное знакомство с работами Данилова второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов свидетельствует о появлении нового полемического адресата в его творчестве. Так, в незаконченном введении

ко 2 книге V тома «Трагедии советской деревни», приводя итоговые данные о численности репрессированных за 1937–1938 годы, он в издевательской форме описывал своих мыслимых оппонентов: «Эти цифры должны были бы явиться предметом размышления сталинских поклонников, если бы они размышляли» (Данилов, 2011л: 615). Именно наметившаяся в российском обществе тенденция к реабилитации сталинизма (а тем более попытки восхваления и новой мифологизации фигуры генсека) теперь вызывала наиболее острое противодействие со стороны Данилова. В этот период он подготовил ряд обобщающих статей по проблемам советской истории (Данилов, 2011г; Данилов, 2011ж; Данилов, 2011м; Данилов, 2011н). Основные тезисы всех этих работ едины: узурпация власти Сталиным посредством формирования контроля над административно-бюрократическим аппаратом, антисоциальность сталинизма, манипуляция информацией и репрессии как основы сталинского господства, разрушительные для экономики и народа последствия его правления, деградация с каждым новым поколением советской политической элиты. Это целостный набор аргументов направлен против вновь появившихся ревнителей сталинизма. Данилов всеми силами стремится защитить те знания о советском политическом режиме, за которые так дорого пришлось заплатить историкам его поколения. В силу этого можно сказать, что его позиция на данном этапе общественной полемики о советском историческом опыте приобрела охранительный характер. Однако и в этом случае историк очень тонко уловил общее движение умонастроений эпохи.

Заключение

Творческий путь Виктора Петровича Данилова убеждает нас в том, что один человек может существенно изменить историографию. Данилов стал ключевой фигурой при формировании двух из трех существовавших научно-исследовательских программ изучения коллективизации в отечественной науке. Причем если интенции программы исследования аграрной истории советского общества середины 1950-х — начала 1960-х годов так никогда и не были воплощены в жизнь в полной мере, то реализация второй в постсоветской историографии завершилась торжеством даниловских подходов и оценок. Все это делает Данилова центральной фигурой в развитии аграрной историографии советского периода, как отдельного направления российской исторической науки. Однако, говоря об этом, следует заметить, что по ходу эволюции дискурса о коллективизации менялись и взгляды самого ученого. Каждая новая редакция его оценок этой темы предполагала если не полное отрицание предшествующей концепции, то во всяком случае серьезное ее переосмысление. Так, если в 1950-х — первой половине 1960-х годов основным направлением усилий Данилова было выявление форм генезиса социа-

листического способа производства, то на следующем этапе своей научной деятельности ученый подчеркивал преобладание патриархальных институтов и отношений в советской доколхозной деревне. Затем вместе с надеждами и иллюзиями перестройки тема деревенской архаики оказалась отброшена, и исследователь снова увидел в социально-экономической жизни эпохи НЭПа ростки (в отличие от первого прочтения темы, так и не проросшие) подлинного социализма. Последняя редакция даниловских взглядов на аграрное развитие СССР также предполагала смещение акцентов исследования с упущенных возможностей на трагические последствия коллективизации. Вместе с эволюцией Данилова как ученого-исследователя деревни изменялось и соотношение субъектно-объектных посылок в его работах. Первую предложенную им модель исследования темы можно охарактеризовать как объектно-субъектную, поскольку во главу угла историком ставился объективный процесс складывания социалистической формации. Тем не менее в соответствии с существовавшей традицией значительная роль в нем отводилась партии и советскому государству. В работах конца 1960-х — первой половины 1980-х годов историк предложил уже в полной мере объектную модель изложения, ибо социально-экономические и социально-демографические процессы в его анализе доколхозной деревни теперь выступали как самостоятельная реальность. Перестройка открыла для Данилова не только возможность выступать в печати на ранее табуированные в советской науке темы, но и видоизменить собственные концептуальные подходы и методологию. Теперь на первый план в исследовании коллективизации для него вышли явления, обусловленные борьбой советских политических элит за программу аграрных реформ. Однако изложение тех или иных процессов в развитии деревни все еще сохранялось в даниловском нарративе, поэтому данную модель исследования можно назвать субъектно-объектной. Для дальнейшей эволюции подходов Данилова характерно усиление субъектной составляющей. В работах второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов история коллективизации в трудах ученого излагалась целиком и полностью посредством описания деятельности сталинского государства.

Итак, мы видим, что противоречие между объектной и субъектной моделями анализа на различных этапах творческого пути В.П. Данилова разрешалось им не одинаково. Однако само по себе оно оставалось действенным источником эволюции взглядов ученого на историю советской деревни. Вместе с тем следует заметить, что ученый, по-видимому, так и не сделал окончательного выбора в пользу одной из них. На всех этапах его научной биографии мы можем увидеть постоянный поиск ученым оптимального набора факторов, способных объяснить исторические реалии. Так, в работах 1960—1980-х годов, несмотря на однозначный выбор ученого в пользу процессуальной истории, деятельность советского государства оставалась в его анализе одной из важнейших движущих

сил описываемых им социальных изменений деревни. Равным образом, на последнем этапе даниловского творчества, связанного с абсолютным торжеством субъектных трактовок, в числе проблем, интересовавших историка, мы можем обнаружить концепт крестьянской революции как некоего естественного социального движения. В совокупности все это и придает фигуре Данилова как исследователя-аграрника известную сложность и глубину. Французский философ Л. Гольдман на материалах «Мыслей» Б. Паскаля и трагедий Ж. Расина вывел специфический вид мировоззрения, который он назвал «трагическим видением мира». Представители данного интеллектуального типа людей, согласно ему, осознают антагонистический характер любой человеческой реальности и стремятся к ее синтезу, поскольку «истина всегда соединение противоположностей» (Гольдман, 2001: 233). Стратегия исследований и представления Данилова о советской деревне и науке в целом, как кажется, вполне соотносятся с таким типом сознания. Постоянная «игра в бисер», поиск новых концептуальных подходов и решений способствовали интеллектуальному росту историка, поскольку требовали от него скрупулезного изучения многообразия источников, внимания к деталям, серьезнейшего теоретического осмысления проблем. В итоге Данилов поднял качественную планку исследований в области аграрной истории практически на недосягаемую высоту и сам стал главной мемориальной фигурой этого направления. Ибо, говоря словами Л. Гольдмана, «знание является главной привилегией трагического персонажа» (Гольдман, 2001: 448).

Библиография

Вступительное слово (2011). В.П. Данилова на повторном обсуждении первого тома «Истории коллективизации сельского хозяйства СССР» // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 252–257.

Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2011). Виктор Петрович Данилов — фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 16–68.

Вылцан М.А., Емец В.А., Слепнев И.Н. (2005). Творческий путь Виктора Петровича Данилова // Вопросы истории. № 9. С. 150–162.

Гольдман Л. (2001). Сокровенный Бог. М.: Логос.

Данилов В.П. (1955). Борьба советского государства за создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Автореферат дисс. к.и.н. М.

Данилов В.П. (2011а). «Бухаринская альтернатива» // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Т. 2. М.: РОССПЭН. С. 123–148.

Данилов В.П. (2011б). Введение. Истоки и начало деревенской трагедии // *Данилов В.П.* (2011). История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П. (2011в). Введение. Советская деревня в годы Большого террора // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П. (2011г). Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 742–759.

Данилов В.П. (2011д). Из истории «перестройки» (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П. (2011е). Июльский пленум ВКП(б) 1928 г. Введение // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П. (1983). К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура. История и современность. М. С. 376–389.

Данилов В.П. (1990). Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. № 5. С. 7–30.

Данилов В.П. (1965а). Коллективизация сельского хозяйства СССР // СИЭ. Т. 7. М.: ГИЗ «Советская энциклопедия». С. 484–499.

Данилов В.П. (2011з). Кооперация 20-х годов: опыт становления // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 628–641.

Данилов В.П. (2011ж). К проблеме альтернатив 20-х годов // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 724–741.

Данилов В.П. (1965б). Кулачество // СИЭ. Т. 8. М.: ГИЗ «Советская энциклопедия». С. 262–266.

Данилов В.П. (2011и). К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 712–762.

Данилов В.П. (1962а). Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни // Вопросы истории. № 2. С. 33–46.

Данилов В.П. (2011к). Необычный эпизод в истории отношений ОГПУ и сталинского Политбюро // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 762–773.

Данилов В.П. (2011л). Незаконченное введение ко второй книге V тома «Трагедии советской деревни. 1927–1939» // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П. (1961). О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства. М.

Данилов В.П. (1962б). По поводу так называемого третьего этапа аграрной революции (ответ Ю. А. Полякову) // Вопросы истории. № 9. С. 9–14.

Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население землепользование, хозяйство. М.: Наука. *Данилов В.П.* (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука.

Данилов В.П. (1982). 1. Советская доколхозная деревня: население землепользование, хозяйство; 2. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. Автореферат дисс. … д.и.н. М.

Данилов В.П. (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во АН СССР.

Данилов В.П. (2011м). Сталинизм и крестьянство // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 680–695.

Данилов В.П. (2011н). Сталинизм и советское общество // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН. С. 710–723.

Данилов В.П. (1988а). Судьба первых пятилеток // Историки спорят. Тринадцать бесед. М.

Данилов В.П. (1988б). 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 122–137.

Данилов В.П., Хлевнюк О.В. (2011). Апрельский пленум 1928 г. Введение // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. (2011а). Апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. (2011б). Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.

Дмитренко В.П. (1988). Сущность нэпа, диалектика его развития // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 137–151.

Жуков Ю.Н. (2002). Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. № 1. С. 3–26.

Журавель А.В. (2011). Памяти Виктора Петровича Данилова (воспоминания несостоявшегося ученика) // Суждения. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://suzhdenia.ruspole.info/node/1392 (Дата обращения 19.05.2019).

Игрицкий Ю.И. (1999). Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Отечественная история. № 3. С. 180–200.

История (1938) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ.

История (1963) советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М.: Изд-во АН СССР.

Иосиф Виссарионович Сталин (1947). Краткая биография. М.: Географгиз.

Кабанов В.В. (1995). Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. М.

Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. № 3. С.131–137.

Кондрашин В.В. (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 160–186.

Кондрашин В.В. (2018). «Даниловский сектор» Института российской истории РАН: прорыв в исследованиях аграрной истории России первой половины XX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. С. 187–195.

Кондрашин В.В. (2014). Историки-аграрники России XX — начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».

Лельчук В.С. (1988). Выбор путей и методов строительства социализма // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. С. 151–172.

Никулин А.М. (2014). В поисках альтернатив российского развития: переосмысливая наследие аграрника В.П. Данилова // Мир России. № 1. С. 8–34.

Олегина И.Н. (1998). Будем уходить от схематизма // Отечественная история. № 5. С. 121–125.

Павлова И.В. (2001). Власть и общество в 1930-е годы // Вопросы истории. № 10. С. 46–56.

Павлова И.В. (1998). Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика ревизионистского подхода) // Отечественная история. № 5. С. 30–37.

Павлова И.В. (2003). 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. № 10. С. 19–37.

Поляков Ю.А. (1963). Еще раз о некоторых вопросах истории аграрной революции // Вопросы истории. № 2. С. 28–36.

Поляков Ю.А. (1962). К вопросу о содержании и этапах аграрной революции в СССР // Вопросы истории. № 8. С. 26–34.

Современное крестьяноведение (2015) и аграрная история России в XX веке. М.: РОССПЭН.

Р. Дэвис — В. Данилов (1990): диалог историков // История СССР. № 2. С. 91–97.

Советское прошлое (2000): поиски понимания // Отечественная история. № 4. 5.

Соколов А.К. (1998) Спасибо за науку // Отечественная история. № 5. С. 102.

Сталин И.В. (1952). Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Гос. Изд-во политической литературы.

Стенограмма (2011) заседания ученого совета Отдела истории советского общества. 29 июля 1965 г. // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН.

Трапезников С.П. (1967). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1–2. М.: Изд-во ВПШ и АОН. 656 с.

Щербань Н.В. (1998). Наука или политическая конъюнктура // Отечественная история. № 5. С. 127–130.

Viktor Danilov's four conceptions of collectivization

Nikolai G. Kedrov, PhD (History), Independent Researcher

The article considers the views of the famous Russian agrarian historian V.P. Danilov on collectivization. The author identifies four stages in his studies. First, Danilov's becoming a historian of the Soviet village under the Khrushev's "thaw", when he joined the reconsideration of the Soviet history and took an active part in the critical analysis of Stalin's historiography. Danilov focused on the search of macro-structures in the genesis of socialist relations in the Soviet agriculture. However, his attempts to develop a new conception of collectivization were not successful due to the political changes in the country in the mid-1960s. In the second half of the 1960s — 1980s, the new official conception of collectivization introduced by S.P. Trapeznikov became the main subject of criticism from Danilov: he emphasized the prevalence of patriarchal relations in the Soviet village before collectivization. "*Perestroika"* gave new hopes to the historians of the Danilov's generation. However, he did not share the views of radical critics of the collective-farm system and developed a conception of the alternatives to the Stalin's "revolutions from above" as the lost opportunities to create a true socialism. The final stage in Danilov's scientific work consisted of preparing fundamental documentary series on history of the Soviet village, and of thinking on the ideas of totalitarian historiography. The author stresses Danilov's outstanding role in developing two of three research programs for the study of the agrarian history of the Soviet period.

Keywords: agrarian history, historical science, Soviet village, collectivization, V.P. Danilov

References

Vstupitelnoe slovo V.P. Danilova na povtornom obsuzhdenii pervogo toma "Istorii kollektivizatsii selskogo khozyaistva SSSR" (2011). [V.P. Danilov's opening address at the second discussion of the first volume of *History of Agricultural Collectivization in the USSR*]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke*. Izbrannye trudy v 2-kh ch. Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2011) Viktor Petrovich Danilov — frontovik, grazhdanin, ucheny, borets za demokratiyu i svobodu [Victor Petrovich Danilov — a front-line soldier, citizen, scientist, and fighter for democracy and freedom]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Vyltsan M.A., Emets V.A., Slepnev I.N. (2005) Tvorchesky put Viktora Petrovicha Danilova [Victor Petrovich Danilov's scientific career]. *Voprosy Istorii,* no 9.

Goldman L. (2001) *Sokrovenny Bog* [Secret God], Moscow: Logos.

Danilov V.P. (1955) Borba sovetskogo gosudarstva za sozdanie materialno-tekhnicheskikh predposylok kollektivizatsii selskogo khozyaistva (1926–1929 gg.) [Struggle of the Soviet state for creating material preconditions for agricultural collectivization (1926-1929)]. Avtoreferat diss. k.i.n. Moscow.

Danilov V.P. (2011a) "Bukharinskaya alternative" ["Bukharin's alternative"]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011b) Vvedenie. Istoki i nachalo derevenskoi tragedii [Introduction. Sources and beginning of the rural tragedy]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011v) Vvedenie. Sovetskaya derevnya v gody "Bolshogo terror" [Introduction. The Soviet village in the years of "the big terror"]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011g) Vozniknovenie i padenie sovetskogo obshchestva: sotsialnye istoki, sotsialnye posledstviya [The rise and fall of the Soviet society: Social sources and social consequences]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011d) Iz istorii "perestroiki" (perezhivaniya shestidesyatnika-krestianoveda) [From history of "*perestroika*" (perception of the "*shestidesyatnik*" — representative of the 1960s and of the Peasant Studies)]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011e) Iyulsky plenum VKP(b) 1928 g. Vvedenie [July Plenum of the CPSU(B) in 1928. Introduction]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (1983) K izucheniyu kultury i byta sovetskoi dokolkhoznoi derevni [On the study of culture and everyday life of the Soviet village before collectivization]. *Sovetskaya kultura: Istoriya i sovremennost*. Moscow, pp.376-389.

Danilov V.P. (1990) Kollektivizatsiya selskogo khozyaistva v SSSR [Agricultural collectivization in the USSR]. *Istoriya SSSR*, no 5, pp.7-30.

Danilov V.P. (1965a) Kollektivizatsiya selskogo khozyaistva SSSR [Agricultural collectivization in the USSR]. *Sovietskaya istoricheskaya enziklopedia,* vol. 7.

Danilov V.P. (2011z) Kooperatsiya 20-kh godov: opyt stanovleniya [Cooperation of 1920s: History of development]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011zh) K probleme alternativ 20-kh godov [On the alternatives of the 1920s]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (1965b) Kulachestvo [Kulaks]. *Sovietskaya istoricheskaya enziklopedia*, vol. 8, pp.262-266.

Danilov V.P. (2011i) K kharakteristike obshchestvenno-politicheskoi obstanovki v sovetskoi derevne nakanune kollektivizatsii [On the social-political situation in the Soviet village on the eve of collectivization]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (1962a) Nekotorye itogi nauchnoi sessii po istorii sovetskoi derevni [Some results of the scientific session on the history of the Soviet village]. *Voprosy Istorii,* vol. 2, pp.33-46.

Danilov V.P. (2011k) Neobychny epizod v istorii otnoshenii OGPU i stalinskogo Politbyuro [An unusual episode in the history of relations between the JSPD and Stalin's Political Bureau]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (2011l) Nezakonchennoe vvedenie ko vtoroi knige V toma "Tragedii sovetskoi derevni. 1927–1939" [Unfinished introduction to the second book of volume V of the *Tragedy of the Soviet village. 1927–1939*]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P. (1961) *O kharaktere sotsialno-ekonomicheskikh otnoshenii sovetskogo krestyanstva do kollektivizatsii selskogo khozyaistva* [On the Features of the Social-Economic Relations of the Soviet Peasantry Before Agricultural Collectivization], Moscow.

Danilov V.P. (1962b) Po povodu tak nazyvaemogo tretiego etapa agrarnoi revolyutsii (otvet Yu.A. Polyakovu) [On the so-called third stage of the agrarian revolution (answer to Ju.A. Poljakov)]. *Voprosy Istorii,* no 9, pp. 9-14.

Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie zemlepolzovanie, khozyaistvo* [Soviet Village Before Collectivization: Population, Land Tenure, Economy], Moscow: Nauka.

Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [Soviet Village Before Collectivization: Social Structure, Social Relations], Moscow: Nauka.

Danilov V.P. (1982) 1. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie zemlepolzovanie, khozyaistvo; 2. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya [1. Soviet village before collectivization: Population, land tenure, economy; 2. Soviet village before collectivization: Social structure, social relations]. Avtoreferat diss. d.i.n. Moscow.

Danilov V.P. (1957) *Sozdanie materialno-tekhnicheskikh predposylok kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR* [Creation of Material Preconditions for Agricultural Collectivization in the USSR], Moscow: Izdatelstvo AN SSSR.

Danilov V.P. (2011m) Stalinizm i krestyanstvo [Stalinism and peasantry]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN, pp. 680-695.

Danilov V.P. (2011n) Stalinizm i sovetskoe obshchestvo [Stalinism and Soviet society]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN, pp. 710-723.

Danilov V.P. (1988a) Sudba pervykh pyatiletok [Fate of the first five-year plans]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed,* Moscow.

Danilov V.P. (1988b). 20-e gody: NEP i borba alternativ [The 1920s: NEP and the struggle of alternatives]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed,* Moscow.

Danilov V.P., Khlevnyuk O.V. (2011) Aprelsky plenum 1928 g. Vvedenie [April Plenum of 1928. Introduction]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P., Khlevnyuk O.V., Vatlin A.Yu. (2011a) Aprelsky plenum TsK VKP (b) 1929 g. [April Plenum of the CC CPSU(B) in 1929]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Danilov V.P., Khlevnyuk O.V., Vatlin A.Yu. (2011b) Noyabrsky plenum TsK VKP (b) 1928 g. [November Plenum of the CC CPSU(B) in 1928]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 2, Moscow: ROSSPEN.

Dmitrenko V.P. (1988) Sushchnost NEPa, dialektika ego razvitiya [Essence of the NEP, and dialectics of its development]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow, pp. 137-151.

Zhukov Yu.N. (2002). Repressii i Konstitutsiya SSSR 1936 g. [Repressions and the Constitution of the USSR of 1936]. *Voprosy Istorii*, no 1, pp. 3-26.

Zhuravel A.V. (2011) Pamyati Viktora Petrovicha Danilova (vospominaniya nesostoyavshegosya uchenika) [In memory of Victor Petrovich Danilov (memories of a might-have-been student)]. *Suzhdeniya*, no 11. URL: http://suzhdenia.ruspole.info/node/1392.

Igritsky Yu.I. (1999) Eshche raz po povodu “sotsialnoi istorii” i “revizionizma” v izuchenii stalinskoi Rossii [Once again on “social history” and “revisionism” in the study of Stalin’s Russia]. *Otechestvennaya istoriya*, no 3, pp. 180-200.

Istoriya Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (bolshevikov). Kratky kurs (1938). [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). A Short Course.], Moscow.

Istoriya sovetskogo krestyanstva i kolkhoznogo stroitelstva v SSSR (1963) [History of Soviet Peasantry and Collective Farms in the USSR], Moscow: Izdatelstvo AN SSSR.

Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaya biografiya (1947) [Iosif Vissarionovich Stalin. A Brief Biography], Moscow: Geografgiz.

Kabanov V.V. (1995) Sudby kooperatsii v sovetskoi Rossii: problemy, istoriografiya [Fate of cooperation in Soviet Russia: Problems and Historiography]. *Sudby rossiiskogo krestyanstva,* Moscow.

Kollektivizatsiya: istoki, sushchnost, posledstviya. Beseda za kruglym stolom (1989) [Collectivization: Sources, essence, and consequences. A round-table discussion]. *Istoriya SSSR*, no 3, pp. 131-137.

Kondrashin V.V. (2013) Viktor Petrovich Danilov — vydayushchiisya issledovatel agrarnoi istorii Rossii XX veka [Victor Petrovich Danilov — an outstanding researcher of the

agrarian history of Russia in the 20th century]. *Krestyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost. Uchenye zapiski*. Vyp. 8, Moscow, pp. 160-186.

Kondrashin V.V. (2018) "Danilovsky sector" Instituta rossiiskoi istorii RAN: proryv v issledovaniyakh agrarnoi istorii Rossii pervoi poloviny XX veka ["Danilov's sector" at the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences: A breakthrough in the studies of the agrarian history of Russia of the first half of the 20th century]. *Ezhegodnik po Agrarnoi Istorii Vostochnoi Evropy*, no 1, pp. 187-195.

Kondrashin V.V. (2014). *Istoriki-agrarniki Rossii XX — nachala XXI vv.: tvorchesky put i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Russian Agrarian Historians of the 20th — Early 21st Centuries: Career and International Cooperation]. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».

Lelchuk V.S. (1988). Vybor putei i metodov stroitelstva sotsializma [The choice of ways and methods to build socialism]. *Istoriki sporyat. Trinadtsat besed*, Moscow, pp. 151-172.

Nikulin A.M. (2014) V poiskakh alternativ rossiiskogo razvitiya: pereosmyslivaya nasledie agrarnika V.P. Danilova [In search of alternatives for the development of Russia: Rethinking the legacy of the agrarian historian V.P. Danilov]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 8-34.

Olegina I.N. (1998) Budem ukhodit ot skhematizma [Getting away from sketchiness]. *Otechestvennaya Istoriya,* no 5, pp. 121-125.

Pavlova I.V. (2001) Vlast i obshchestvo v 1930-e gody [Power and society in the 1930s]. *Voprosy Istorii,* no 10, pp. 46-56.

Pavlova I.V. (1998) Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoi Rossii 30-kh godov (kritika revizionistskogo podkhoda) [Contemporary Western historians on Stalin's Russia in the 1930s (criticism of revisionism)]. *Otechestvennaya Istoriya,* no 5, pp. 30-37.

Pavlova I.V. (2003) 1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak realnost [1937: Elections as a mystification, terror as a reality]. *Voprosy Istorii*, no 10, pp. 19-37.

Polyakov Yu.A. (1963) Eshche raz o nekotorykh voprosakh istorii agrarnoi revolyutsii [Once again on some issues in the history of the agrarian revolution]. *Voprosy Istorii*. no 2, pp. 28-36.

Polyakov Yu.A. (1962) K voprosu o soderzhanii i etapakh agrarnoi revolyutsii v SSSR [On the content and stages of the agrarian revolution in the USSR]. *Voprosy Istorii,* no 8, pp. 26-34.

Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke (2015). [Contemporary Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the 20th century], Moscow: ROSSPEN.

R. Davis — V. Danilov: dialog istorikov (1990) [R. Davis — V. Danilov: A dialogue of historians]. *Istoriya SSSR*, no 2, pp. 91-97

Sovetskoe proshloe: poiski ponimaniya (2000) [The Soviet past: In search of understanding]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 4-5.

Sokolov A.K. (1998) Spasibo za nauku [Thanks for the science]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, p. 102.

Stalin I.V. (1952) *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Challenges of Socialism in the USSR], Moscow: Isdatelstvo politicheskoy literatury.

Stenogramma zasedaniya uchenogo soveta Otdela istorii sovetskogo obshchestva 29 iyulya 1965g. (2011) [Transcript of the meeting of the Academic Council of the Department of the Soviet Society History on July 29, 1965]. Danilov V.P. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy v 2-kh ch.* Vol. 1, Moscow: ROSSPEN.

Trapeznikov S.P. (1967) *Leninizm i agrarno-krestyanskii vopros* [Leninism and the Agrarian-Peasant Question]. Vol. 1-2, Moscow.

Shcherban N.V. (1998). Nauka ili politicheskaya konyunktura [Science or political situation]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 5, pp. 127-130.